

КАК СТАТЬ ЭТОЛОГОМ И СТОИТ ЛИ ЭТО ДЕЛАТЬ?

«Среди биологов, внесших в науку действительно выдающийся вклад, наберется лишь горстка таких, кто посвятил жизнь избранному им предмету не потому, что подпал под чары его красоты. Особый дар наблюдательности практически идентичен способности к восприятию и неотделим от особой чуткости к красоте живых организмов».

К. Лоренц.

Исследователями рождаются?

Вся моя жизнь связана с птицами. И это – длинная история, которая идет еще из детства. Будучи еще мальчишкой, я как-то зашел к соседу по дому, а ему родители только что купили щегла. Этот щегол произвел на меня такое сильное впечатление, что я попросил разрешения взять его на день себе, чтобы нарисовать – рисовал я с самого раннего детства.

Однако первым моим увлечением была история. Еще в начальных классах школы я пытался уяснить себе географию поклонения богам на территории Древнего Египта и все фиксировал, нанося изображения этих полулюдей-полуживотных на самодельные контурные карты. Позже составлял родословные правителей в разных странах во времена Средневековья, например – Меровингов и Каролингов. Часто натыкался на пробелы в генеалогиях и пытался восстановить эти отсутствующие звенья. Это было непросто, ведь мой отец не был историком, и нужных мне источников в его библиотеке, как правило, не было. Потом я увлекся войной 1812 года. Все эти увлечения были очень острыми. Чтобы как-то удовлетворить мое любопытство, мама стала водить меня в исторический музей, где оставляла меня одного на целый день. Я бродил по залам, рисовал. Именно тогда, на почве интереса к истории, во мне проявилось еще неосознанное, но очень сильное стремление к исследовательской деятельности, к разгадыванию головоломок.

Около нас на Арбате был магазин военной книги. Целая витрина в нем была посвящена войне 1812 года. Я стоял на улице и срисовывал с витрины портрет Баркляя де Толли. Вдруг ко мне подошел какой-то человек, заинтересовавшийся тем, что я делаю. Узнав о моем увлечении, он достал из

портфеля блокнот и начал быстро рисовать по памяти облачение французских гренадеров. Закончив, он отдал рисунок мне. Он у меня сохранился до сих пор.

Потом был пушкинский музей – там я рисовал статуи, например, Давида работы Микеланджело. А к восьмому классу меня уже возник интерес к фауне, к географии, Теперь я рисовал чучела животных в Зоологическом музее и начал посещать занятия кружка Петра Петровича Смолина в Дарвиновском музее.

Появление щегла ознаменовало собой целую эпопею с ловлей птиц. Сначала мы ездили в лес с соседом Сашей. Потом у меня появился партнер в кружке Петра Петровича Смолина – Миша Шемякин. Каждый выходной мы уезжали за город ловить птиц или посещали Птичий рынок. Там мы пытались что-то продать из пойманного нами. Но руководил нами немислимый азарт приобретения новых птиц. На Птичке можно было купить всякую экзотику, как-то раз мы с Мишей купили зимородков. У себя в комнате он соорудил для них большую вольеру. И хотя доставать рыбу для кормления оказалось непросто, но, тем не менее, нам удавалось их держать. Сами мы ловили не только таких банальных птиц как большие синицы и гаички, но также гораздо более «экзотических» – длиннохвостых синиц, крапивников, корольков. Все эти птицы у меня перебивали.

Еще одна точка притяжения – зоомагазин на Арбате. Мы жили неподалеку от него. Еще когда я был совсем маленьким, мой отец сочинил про этот магазин такой стишок:

Женя с мамой на Арбат отправляйтесь вместе,
Посреди других ребят в магазин пролезьте,
В магазине зоосад, птичку там купите
И немедленно назад к папе приходите!

Там продавали волнистых попугайчиков, щеглов, чижей – этим нас, юных птицеловов, удивить было трудно. И вдруг, в один из апрельских дней – привезли лесных жаворонков. Около сотни этих птиц сплошным ковром покрывали дно большого зарешеченного отсека за прилавом. Какой-то человек сказал мне: «Давай я тебе выберу хорошего жаворонка-самца!». Он как-то по когтям умел отличить поющих самцов от безмолвных самок. Тогда еще в Москве существовало сообщество птицеловов – это действительно были профессионалы, которым можно было заказать любую птицу. Вот такой человек

случайно оказался около меня. А у меня клетки нет. Он говорит: «У меня есть дома специальная клетка для жаворонков» (специальная – значит с деревянными прутьями и полотняным потолком, чтобы эта нежная птица не смогла повредить себя при испуге). Клетка – «всего» за 50 рублей, в то время это были огромные деньги! Я помчался домой к маме, стал просить 50 рублей. Мама согласилась, мы вместе с ней поехали в зоомагазин и купили и клетку, и жаворонка. Птицелов объяснил, что клетку нужно повесить высоко, под потолком, чтобы птица меньше беспокоилась. Жаворонок начал петь вечером, когда зажигали настольную лампу. Но его очень легко было заставить петь и в другое время: стоило только включить радио, он тут же начинал выводить свои замечательные трели. Прожил он у меня два года, ездил с нами в деревню, на дачу. Вот так развивалась страсть к птицам.

А к 10-му классу эти интересы пропали, все силы сосредоточилось на поиске девочек: у нас ведь была мужская школа и проблема знакомства казалась совершенно неразрешимой...

Однажды в троллейбусе мы с Мишей Шемякиным встретились с моими одноклассниками, они ехали на какую-то вечеринку – нарядные, в галстучках, а мы – с рюкзаками, в телогрейках. Мне показалось, что они нам страшно позавидовали. У нас были лыжи широкие, лесные, а они – при всем параде...

Не как все...

В 1954 году я кончил школу и поступил в Педагогический институт. Я хотел поступить наверняка и поэтому не пошел в Университет. Через два года я понял, что в пединституте мне находиться невозможно. Основным контингентом были деревенские девчонки, а я к тому времени стал стопроцентным, рафинированным стилигой. Я знал, что меня считают полным идиотом, ведь я вел себя ужасно: был очень агрессивный – как теперь говорят, «отвязанный». Когда же выяснилось, что я хорошо сдам зачеты и экзамены, меня начали немного уважать, но все равно было очень скучно. В главном здании пединститута располагалась художественная студия. Когда становилось совсем невыносимо, я уходил с занятий туда, рисовал гипсовые бюсты и чучела птиц. В конце концов, я не выдержал и решил перейти на биофак в университет. Это было довольно сложно. Но у меня со школьных лет имелись грамоты за

биологические олимпиады, я занимался в кружке Петра Петровича Смолина, хорошо рисовал, в том числе и животных – и меня решили принять.

Курсовую работу я делал в Окском заповеднике, и здесь нашел свой первый объект. Наш преподаватель Н.Н. Карташев дал мне тему – сравнительное изучение малого зуйка и перевозчика на реке Пре. Малый зук – совершенно потрясающая птица. Он очень контрастно окрашен и, уже поэтому, может служить идеальным объектом для этолога. Зуйки живут на песчаных отмелях, их издали видно и удобно наблюдать, как в зоопарке – они все на виду на белом песке, можно изучать все тонкости взаимоотношений внутри семейной пары, а также соседних семей друг с другом. Кроме того, оказалось, что малый зук – типичный «трансформер». В зависимости от ситуации, он очень легко преобразуется, необыкновенно изменяясь внешне. Эта птица меня сразу покорила настолько, что я и думать забыл про кулика-первозчика и целиком начал заниматься зуйком. Н.Н. Карташеву это очень не нравилось. Он говорил: «Вот Женя. Ему бы только сесть где-нибудь с биноклем и смотреть. А надо ходить!». Так назрел первый конфликт. Мне была дана тема по сравнительному изучению образа жизни двух видов, а я стал заниматься одним. Но я был настолько явно увлечен, что сгустившиеся надо мной тучи постепенно рассеялись сами собой. Когда я стал читать, что пишут о зуйках в научной литературе (а это группа компактная, все виды внешне очень похожи), у меня возникли первые мысли о сравнительном изучении поведения.

В 1959 году, когда я заканчивал университет, начались неприятности с администрацией: меня чуть не исключили за «политическое хулиганство». Я уже в то время был ярким антикоммунистом. Мы с ребятами собирались что-то обсуждать на комсомольском собрании, и хотя комсомольцем я не был, намеревался принимать участие в обсуждении. Мы долго ждали представителей парторганизации, товарищи опаздывали, и тут я возьми и скажи сгоряча, что «всех этих партийных надо стрелять». А это 1959 год. Зав. кафедрой Николай Павлович Наумов отказался у меня принимать зачет. Н.Н. Карташев, мой научный руководитель, отказался руководить моей дипломной работой. Когда я спросил почему, он ответил, что он как раз один из тех, кого, по моему мнению, надо стрелять. Ну и так далее. Согласился иметь со мной дело только Георгий Петрович Дементьев, который, скорее всего, думал так же, как и я. Он и стал руководителем моей дипломной работы. В ней речь шла о значении окраски в

брачном поведении птиц. Дементьев посоветовал мне прочитать книгу Х. Котта о приспособительной окраске животных, а это была настоящая классика!

С оформлением заявки на распределение я, естественно, дотянул до последнего момента. Официально получить мне ничего не удалось. Известный зоолог Сергей Константинович Клумов согласился написать неофициальное письмо о том, что меня приглашают в морскую экспедицию, как это и было в действительности. Но пока он (в последнюю минуту) писал эту бумагу, я опоздал на распределение. Когда я пришел, никого уже не было. В аудитории остались зав. кафедрой Н.П. Наумов и декан факультета Рябов. Я вытащил бумагу, вот, говорю, мое распределение. Наумов взял бумагу, сложил ее и сунул в стол. «Это не заявка», – говорит, – «это частное письмо. Мы вас распределяем на санэпидстанцию в Астрахань». Я ответил, что ни на какую санэпидстанцию не поеду. «Тогда мы вас исключаем», – сказал Наумов.

В реестре распределенных студентов напротив всех фамилий уже стояли подписи, и только рядом с моей было пустое место. Из-за этого меня все время куда-то вызывали. Но я не был ни комсомольцем, ни членом профсоюза, так что за меня никак нельзя было зацепиться. В конце концов, я сказал: «Знаете что ребята, пишите, что хотите, но я по вашему распределению не поеду». Я пошел в министерство здравоохранения, объяснил там, в чем дело и мне тут же дали открепление, резонно заметив, что им не нужны люди, которые не хотят у них работать.

Заповедник. Первая монография «Птицы Южного Приморья».

Все тот же С. К. Клумов помог мне списаться с директором заповедника «Кедровая падь» на Дальнем Востоке. Одним из стимулов, чтобы поехать в «Кедровую Падь» послужило то, что на Дальнем Востоке обитал так называемый уссурийский зук. В заповедник меня согласились взять, но только через год – образовалось пустое время. Мой отец, поэт Н.Н. Панов, перед этим ездил за границу и привез только вышедшую на английском языке книжку К. Лоренца «Кольцо царя Соломона». От нечего делать я стал ее переводить. И перевел. Эта книга вышла в России в моем переводе (впервые на русском языке) лишь в конце 60-х годов. А все стихотворные эпиграфы к ее главам переводил мой отец.

В заповеднике «Кедровая Падь» я прожил три года. Сначала занимался зуйками: и уссурийский, и малый гнездились здесь бок о бок на одних и тех же отмелях. Потом стал изучать все виды тамошних птиц, и, в конце концов, увлекся сорокопугами, которых здесь было три вида. Через много лет на немецком языке вышла моя книга обо всех 15 видах сорокопугов бывшего Советского Союза. Эти маленькие хищники до сих пор меня очень интересуют.

Еще в университете я прочел книгу Эрнста Майра «Систематика с точки зрения зоолога». Она послужила для меня очень сильным стимулом, когда я перешел от зуйков к теме совместного существования близких видов. Особенно заинтересовали меня взгляды Э. Майра относительно так называемой этологической изоляции. Как особи близких видов, подчас столь похожих друг на друга, верно опознают половых партнеров и тем самым избегают скрещивания друг с другом? То, что я увидел, работая в заповеднике, заставило меня усомниться в верности ряда положений господствующей тогда теории.

В заповеднике я испытывал острое чувство одиночества, хотя там был человек, сыгравший большую роль в моей жизни – орнитолог Александр Александрович Назаренко (тогда для меня – просто Саша). Прекрасный наблюдатель и знаток местной фауны, он дал мне очень много. Днем мы с ним вместе бродили по заповеднику, пополняя сведения о местной фауне, а по вечерам я оставался один. Это было довольно тяжело. Саша запрещал к себе приходить – по вечерам он работал, а я иногда специально отправлялся обедать за 4 километра на станцию Приморская, чтобы просто посмотреть на людей.

Временами мне, городскому юноше, было нелегко справляться с трудностями жизни в маленьком таежном поселке. Но все же я убежден, что не поработав хотя бы несколько лет в заповеднике, нельзя стать настоящим зоологом. Одинокими вечерами я начал всерьез читать научную литературу. Простудировал множество орнитологических журналов.

Как-то в одной из статей английского орнитолога Дэвида Лэка я прочел, что самец зарянки, охраняя свою территорию, свирепо нападает на пучок оранжевых перьев, закрепленных на прутике на видном месте. В оранжевый цвет окрашены «лицевая» часть головы и вся грудка этой птички. Остальное оперение верха оливковое, а брюшка – беловатое. Значит, у этого вида для адекватного узнавания себе подобных важны лишь отдельные, наиболее бросающиеся в глаза особенности окраски – так называемые видовые опознавательные

признаки. Эти мысли нашли отзвук в моих наблюдениях за сорокопутами. Возникло ощущение, что ошибки в опознавании зачастую возникают, скорее, из-за сходства поведения близких видов, тогда как различия в окраске между ними оказываются второстепенными. Во всяком случае, первый гибрид, которого я добыл, явился результатом скрещивания сибирского жулана и тигрового сорокопута, окраска которых различается во многих деталях. Один из разделов моей первой книги «Птицы Южного Приморья» посвящен как раз роли этологических изолирующих механизмов во взаимоотношениях близких видов. С этого, собственно говоря, и начались мои серьезные занятия этологией.

И снова – прощай, Москва!

Вернувшись из заповедника, я очень не хотел впрягаться в городскую жизнь, но чем заняться не знал. Стояло лето, что делать – совершенно непонятно. Случайно я узнал, что во II медицинском институте организуется медико-биологический факультет под руководством Николая Николаевича Воронцова и заставил себя пойти туда. Но он не сработался с медицинским начальством и через год уволился. Спустя несколько месяцев, Н.Н. Воронцов получил лабораторию в институте цитологии и генетики в новосибирском Академгородке и пригласил меня туда. Я уехал из Москвы, не раздумывая. Шел 1965 год. В голове у меня был Майр и этологические механизмы изоляции. Работ Лоренца, кроме переведенной мной популярной книжки, я не читал.

Н.Н. Воронцов сразу же затеял свои легендарные грандиозные экспедиции. Мы изъездили вдоль и поперек всю Среднюю Азию. В этих экспедициях одновременно работало по две-три машины ГАЗ-66, на отряд мы получали по 150 литров спирта! Это было совершенно сногшибательное мероприятие! Идея Воронцова состояла в том, что классическая систематика не выявляет истинного разнообразия видов. Он считал, что существует огромное количество так называемых видов-двойников, границы между которыми можно выявить лишь на основе изучения более глубоких структур, таких, в частности, как хромосомы. И действительно, при сравнительном анализе структуры кариотипов в нашей лаборатории было описано множество видов-двойников неразличимых по внешним признакам, но имеющих разное число хромосом. А

мне было поручено наладить исследование кариотипов птиц – тема, которой в то время почти никто не занимался, и я включился в это дело.

Первый раз мы с зоологом Петей Гуральником выехали в качестве арьергарда комплексной экспедиции в Ашхабад. Он выглядел тогда совершенно колониальным городом, с белыми плоскими зданиями и бродящими по улицам верблюдами. Войдя в Институт зоологии, мы увидели на месте вахтера старика-туркмена с наголо выбритой головой. Рядом, на стуле лежала его огромная баранья шапка, занимающая все сиденье. А на следующий день в долине Фирюза в предгорьях Копетдага я впервые увидел черную каменку. В синем небе, издавая совершенно потрясающие звуки, плавно скользила пегая птичка с развернутым веером черно-белым хвостом. Я влюбился в нее с первого взгляда.

Вскоре оказалось, что помимо нее там, в предгорьях Копет-Дага, есть еще два вида каменок – черношейная и каменка-плешанка. В окраске этих трех видов очень много общего, так что поначалу мне было нелегко их различать. Сразу же возникла интрига – продолжение исследований по сравнительному изучению поведения близких видов, начатых еще на Дальнем Востоке. Но здесь ситуация оказалась куда более интересной! Ведь там близкие виды были рассредоточены по разным местообитаниям, а здесь – в горной полупустыне они живут буквально бок о бок друг с другом, постоянно вступая во взаимодействия. Кроме того, для каменок характерно явление полиморфизма – в пределах одного вида разные особи могут обладать резко различными вариантами окраски.

Каменками я занимался на протяжении последующих сорока лет. Объездил всю Среднюю Азию, Алтай. Недавно вышла моя книга на английском языке, посвященная экологии, эволюции и поведению этих очаровательных птиц. Я смог проделать всю эту работу именно благодаря тому, что с детства держал птиц дома. Я не только наблюдал за каменками в природе, но и привозил птенцов из экспедиции, выращивал их, изучал развитие вокализации и поведения. Так в моей жизни появился третий по значимости объект исследований – после зуйков и сорокопутов.

Должен признаться, что я увлекся всем этим, прежде всего, как художник. Меня всегда поражало то, как животные меняются внешне, встречаясь лицом к лицу с соперником либо с особью противоположного пола.

И сейчас меня больше всего занимает именно характер движений и эволюция двигательных компонентов поведения. Если же вернуться к биологическим проблемам, то это - изолирующие механизмы, проблемы видового опознавания и причины, порождающие межвидовую гибридизацию, которая у птиц оказалась явлением не столь уж редким.

Я смог убедиться в этом еще в бытность мою в Академгородке. На его окраине гнездились два вида овсянок – обыкновенная и белошапочная. Внешне они абсолютно не похожи друг на друга, но, тем не менее, регулярно гибридизуют друг с другом. Как выяснилось позже, на юге Западной Сибири существует обширная территория, где обитают одни гибриды. Во время наших среднеазиатских экспедиций я обнаружил несколько подобных же зон гибридизации между сорокопутами-жуланами – европейским, туркестанским и даурским. Все они также резко различаются по окраске, будучи очень близкими по общему характеру брачного поведения. Так что те гипотезы, которые интуитивно зрели еще в Приморье, полностью оправдались на практике.

Я вернулся из Академгородка в Москву в 1973 году. Еще там я задумал написать книгу, посвященную социальному поведению животных. Не в последнюю очередь и для того, чтобы заработать, ведь тогда за это платили. Я хотел сделать обзор, но работ по этой теме (сейчас это – необозримое море, работы с мечеными популяциями, прослеживание генеалогий) тогда было очень мало. Основным источником материала послужил наш «Реферативный журнал». Я вырезал рефераты интересующих меня работ и, по шутливому выражению моего покойного друга Александра Дмитриевича Базыкина, «клеил из них свою книгу».

При сборе материала для книги сразу же возникла проблема: как описывать поведение. Благодаря моей второй жене, социологу Людмиле Сергеевне Шиловой я оказался в замечательной компании интеллектуалов, работающих в области социологических наук. Они отличались от зоологов тем, что умели строго формулировать задачи и всерьез занимались разработкой формальных методов описания сложных систем. Я узнал о работах классиков социологии и попробовал применить их подходы к биологическим системам. А системы надорганизменного уровня интеграции у животных не просто сложны, но к тому же и аморфны, они обладают колоссальной внутренней

изменчивостью. Изменчивы и контингент особей в группировке, и состояние среды, в которой та обитает.

Этология в России

После Академгородка я переводом снова попал в Москву, в Институт эволюционной морфологии и экологии животных. В те годы зоологи начинали все больше интересоваться этологией, но представление о ней было довольно-таки смутным. Литература на русском языке ограничивалась несколькими популярными книжками и попытками изложения принципов этологии в работах советских ученых, работавших в области изучения поведения животных. К их числу можно отнести орнитолога А. Н. Промтова, зоопсихолога К.Э. Фабри, физиолога А.Д. Слонима. Упоминания об этологии были поданы ими в негативных тонах всех оттенков – от обвинений в методической несостоятельности этой науки до констатации ее идеалистической сущности. Более объективная оценка этологии, хотя и весьма сдержанная, содержалась в трудах Л.В. Крушинского. Во всяком случае, меня, как этолога-практика, все эти комментарии со стороны очень раздражали. Я даже опубликовал довольно резкую рецензию на книгу А.Д. Слонима «Инстинкт».

Дело в том, что основная идея этологии о спонтанности поведения – полностью противоречила рефлексологии господствовавшей в то время у нас павловской школы. Как писал один из классиков нейробиологии, «организм – это не какой-то ленивый осел, нуждающийся в палочных ударах стимулов, чтобы идти. Это горячий конь, непрестанно стремящийся брать барьеры...». Такой подход был непривычен для физиологов и экологов, трактовавших поведение как сумму рефлекторных ответов животных на внешние воздействия. В этих условиях приходилось отстаивать даже сами термины «этология» и «социальное поведение животных», которым некоторые наши зоологи противопоставляли корявое словосочетание «экология поведения».

Так или иначе, тридцать лет назад в нашей стране уровень представлений о поведении животных был вопиюще низок. Помню, как на одном семинаре маститый зоолог совершенно серьезно спросил меня: «Почему вы называете животных «социальными»? У них же нет денег!»

Соответственно, скудна была информация и для тех молодых ребят, которые искренне хотели всерьез заниматься поведением животных в природе.

В 1971 году наш известный орнитолог Владимир Викторович Иваницкий, который был тогда еще студентом, поехал со мной на полевые работы в Казахстан. И вот поутру мы сидим среди надгробий древнего кладбища и наблюдаем прилет черношейных каменок. С птицами творится что-то невероятное. Они буквально «ползают» у нас под ногами в страшном возбуждении: самцы делят между собой пространство, пригодное для гнездовых территорий. Разобраться в происходящем казалось совершенно невозможным. Увидев эту картину, Володя вздохнул и сказал: «Да, зря я читал учебники...» В самом деле, хороших учебников по этологии не было тогда и, боюсь, нет и сегодня. Как их написать? Если человек всего этого не видел своими глазами, то и получится стерильная вещь – отвлеченные рассуждения, весьма далекие от реальности. Понимая все это, мы с моей коллегой Ларисой Юрьевной Зыковой решили проводить школы для молодых биологов, интересующихся вопросами поведения. А приступить к реализации этих планов помог следующий забавный случай.

Весной 1982 г. мы с Ларисой Юрьевной поехали в Туркмению. Там в Бадхызском заповеднике есть потрясающее место – огромная впадина Ер-Ойлан-Дуз. От кордона Кызыл-Джар к этой впадине тянется ущелье, километров десять. Мы решили пройти по этому ущелью, посмотреть, что там делается. Еще лежал снег, мы ушли дня на четыре, с огромными рюкзаками, в зимнем обмундировании, и каждый нес 10-литровую канистру с водой. На следующий день внезапно началась весна. Снег растаял, зацвели какие-то невероятные тюльпаны – белые, желтые, и тут же исчезли все источники воды. Талая вода моментально испарилась. Температура быстро поднялась выше 35⁰, и мы начали по пути оставлять теплые вещи. Оставили и одну канистру с водой, чтобы воспользоваться ей на обратном пути. Пришли в Ер-Ойлан-Дуз. В канистре воды оставалось совсем немного, но, к счастью, талая вода еще заливала солончак. Из нее мы варили суп – солить его было не нужно. А для чая брали остатки воды из канистры. Пошли назад дня через два.

Когда вернулись к оставленной канистре – наступило ликование, рай земной! Можно было пить вдоволь, варить суп без отвратительной глауберовой соли с солончака, наслаждаться весенней пустыней! И вдруг я увидел, что со стороны кордона по ущелью идет человек. Это оказался молодой московский зоолог Андрей Поярков. Представляете, встреча?! Он шел туда, откуда мы

пришли, искал логово гиен. К слову сказать, Лариса Юрьевна опубликовала книгу своих воспоминаний «Годы странствий», где подробно описаны три десятилетия нашей полевой жизни.

Мы долго обсуждали с Андреем проблемы образования нашей молодежи и там, посреди пустыни, идея школ для молодых биологов оформилась окончательно.

Мы провели четыре школы, на которых читали лекции известные ученые, не только зоологи, но также гуманитарии: социологи и лингвисты. Впрочем, ни один семинар не может существовать бесконечно. И этот тоже завершил свое существование. Главный его результат состоял в том, что целое поколение молодых зоологов получили представление о проблемах этологии и стимул к дальнейшим исследованиям. Но лишь очень немногие из них занимаются сегодня тем, что можно назвать этологией в первоначальном смысле этого слова.

На грани науки и искусства

Можно задать вопрос, почему же таких людей считают единицы? Я думаю, что это особая сфера деятельности, которая требует от человека, помимо знаний, особых свойств восприятия, особого умения видеть. Очень важно уметь хорошо рисовать, потому что кто рисует – тот видит. Сейчас большую помощь в работе этолога оказывает видеокамера. Но это – опасная вещь, поскольку видеосъемка дает избыток информации. Ведь прежде нужно суметь увидеть то, что ты хочешь снять на видео, а потом все равно нужно выбирать отдельные кадры и их прорисовывать.

Занятия этологией очень трудоемки и неэффективны: чтобы получить достоверную информацию, касающуюся какой-то мелочи, нужно потратить уйму времени и энергии. Я помню, как часами ползал по отмелям за зуйками и замерзал страшно: когда по окончании наблюдений хотел разжечь костер, руки тряслись так, что невозможно было собрать хворост. Так кто же добровольно пойдет на все это? Куда проще модные сейчас исследования по демографии птиц: нашел гнездо, сосчитал птенцов. Но странно все же, что у нас не получила развития не только полевая этология, но и линия экспериментов в поле в духе работ Нико Тинбергена – область, казалось бы, менее энергоемкая.

Сейчас я все время пытаюсь доказать своей жене, что этология – это вообще не наука. Во всяком случае то, чем я занимаюсь. Конечно, в поведении есть какая-то доля воспроизводимости событий, иначе вообще ничего нельзя было бы сделать. Но доля эта столь невелика, так много компонентов невоспроизводимых, что никакие критерии точных наук сюда неприменимы.

Вообще говоря, конечным результатом сравнительного изучения поведения разных видов должно быть объяснение эволюции поведения. Но она-то и представляется мне вещью абсолютно необъяснимой. В эволюции окраски еще есть какие-то намеки на чисто морфологические закономерности, как из полосок получаются закорючки, потом те закручиваются в пятна... А в поведении – никаких концов не видно. Можно спекулировать, можно придумать какие-то красивые схемы. Но, как правило, если у меня возникает вывод из моей конкретной работы, которая мне нравится, кажется красивой и интересной, я сам ему до конца не верю. На науку все это очень мало похоже. Что касается теории естественного отбора, тут она ничего не объясняет. Слово естественный отбор можно вполне заменить словом Бог. Вспомните, к примеру, хвост, точнее надхвостье павлина и необыкновенно сложно организованное брачное поведение этого вида. Я не нахожу научных объяснений тому, как это могло возникнуть, хотя я ярый атеист.

Вывод из всего сказанного один: я думаю, что классическая этология, связанная в первую очередь с именем Конрада Лоренца, находится на краю гибели. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в библиографии работ, представленных на международных этологических конгрессах, в последние годы вообще отсутствует раздел «сравнительная этология». В том, что происходит, повинны и обыденная логика, и логика развития науки. Сейчас бурно развиваются исследования социального поведения животных, но это уже другое дело, новый шаг. Социобиологи пытаются вывести закономерности функционирования социума, полностью игнорируя индивида. Результат сомнительный. Но, к сожалению, попытки возродить в широком масштабе интерес к исследованию поведения отдельного индивидуума, по-видимому, обречены на провал.

Если же немного утрировать, то меня самого интересует не столько наука, сколько процесс узнавания нового. Когда берешься за какой-то новый вид, открывается абсолютно новый мир. Это очень увлекательно, но мало кто

может себе позволить такую роскошь – помимо всего прочего, подобные исследования стоят больших денег. Если говорить о сравнительной этологии, то нужно исследовать несколько видов, которые зачастую живут в совершенно разных местах, скажем, в Африке и в Южной Америке.

Несмотря на все это, время от времени в виде исключения будут появляться отдельные люди, помешанные на своих объектах. Я подумываю о том, чтобы написать для них учебник по этологии. Для него нужен какой-то новый жанр. Возможно, я попытаюсь написать такой учебник на материале одной из моих последних работ. Мой замысел созвучен словам Конрада Лоренца, сказанным по поводу одной из его собственных книг: «Здесь иллюстрации принадлежат поэту, а сказки рассказаны художником».

Записала Е.Ю. Павлова.
2005 г.